

Сирийский источник по истории Византии.

Среди памятников, имеющих отношение к истории Византии, восточного происхождения и написанных на сирийском языке, первое место нужно отвести хронике, автором которой до сравнительно недавнего времени¹ считали монаха Зукнинского монастыря,² Иисуса Столпника,³ и которая дошла до нас в компилятивном труде, одно время ошибочно приписывавшемся сирийскому же историку первой половины IX в., Дионисию Телл-Махрскому (Телл-Махрая).⁴ Это место принадлежит ей не только хронологически. Она имеет на него право и по своим общепризнанным достоинствам⁵ и по своему влиянию на позднейшую сирийскую историографию.⁶

¹ См. статьи аббата Но (Nau) в *Bulletin critique* от 15 VI 1896, стр. 321—327; 25 VIII 1896, стр. 464—479; 25 I 1897, стр. 54—58; в *Journ. Asiat.*, 1896, VIII, стр. 346—358, и в *Revue de l'Or. Chr.*, 1897, II, стр. 41—68, где французский ученый вполне убедительно и доказательно устанавливает новую точку зрения на авторство Иисуса Столпника (Иешу или Иошуа Стилит). Ср. также, что пишет по этому поводу Нёльдеке в *Wiener Ztschr. für die Kunde des Morgenlandes*, 1896, X, 160—170. В современной научной литературе только А. Крымский без оговорок называет автором данной хроники Иисуса Столпника: см. его «Историю Сассанидов до завоевания Ирана арабами» стр. 11. Москва, 1905 (Труды по востоковедению, изд. Лазар. Инст. Вост. Яз., т. XXI).

² В северной части Месопотамии на север от г. Амиды (Диарбекир).

³ Хроникой этой я пользовался в английском переводе проф. Райта (W. Wright, *The chronicle of Joshua the Stylite, composed in syriac a. D. 507.* Кембридж, 1882). Принимая точку зрения аббата Но, я тем не менее, для краткости, буду цитировать памятник, или хронику Иисуса Столпника.

⁴ В. Райт, *Краткий очерк истории сирийской литературы*, стр. 55, пр. 2. Спб., 1902. Об отношении ее к церковной истории Иоанна Эфесского, или Азийского (VI в.), см. А. Дьяконов. *Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды*, стр. 227—235 (Спб. 1908); Райт, н. с.

⁵ Krumbacher, *Gesch. der byz. Lit.*,² стр. 236; R. Duval, *La littérature Syriaque*², стр. 187 (Париж, 1900); Райт, стр. 54—55; Нёльдеке в рецензии на перевод хроники И. Стилита Райтом (*ZDMG.*, 1882, XXXVI, стр. 682—690); Mertens, *De bello Persico ab Anastasio gesto.* (*Commentationes philologicae Jenenses*, т. VII. Лейпциг, 1904), стр. 141—144.

⁶ Нёльдеке, у. с., стр. 682.

Автор хроники ставит своей целью описание эпохи бедствий, постигших (494—506 гг.) его родную Месопотамию, в частности города Эдессу и Амиду. Бедствия эти выразились в налетах саранчи, солнечном затмении, землетрясении, голоде вследствие неурожая и эпидемии (гл. I). Все это, вместе взятое, послужило своего рода прологом к такому общественному бедствию, как война Византии с персами (502—506 гг.) Первые шесть глав хроники можно назвать вводными. В них автор, обращаясь к своему корреспонденту, настоятелю монастыря Сергию, и, проявляя обычную авторскую скромность, очерчивает рамки и задачи своего труда. Затем следует (VII—XVIII гл.) краткий, но дельно составленный очерк событий, начиная с 297 г., подготовивших столкновение Византии с Персией при Анастасии I. В дальнейших главах (XIX—XLVII) речь идет об упомянутых выше физических бедствиях, пережитых Месопотамией накануне войны, и о ходе событий, непосредственно последней предшествовавших. Наконец, описывается самая война (XLVIII—C), а последняя глава (CI) служит эпилогом ко всему труду, очень, как видим, умеренному по своей величине. Чем ближе к концу, тем повествование становится подробнее. В общем получилась превосходная работа; добросовестно и умело выполненная. Беря ее на себя, неизвестный нам по имени ее автор напрасно, в обращении к Сергию, сравнивает себя (гл. III) с человеком, не умеющим плавать и получившим приказание броситься в глубокую воду. Он оказался вполне на высоте поставленной себе задачи.

«Я желаю избежать многословия», говорит хронист в главе XXV, посвященной перечислению источников, и, надо сказать правду, это удалось ему в значительной степени за немногими исключениями, о которых мы скажем ниже. Изложение у него строго фактическое, но не сухое. Наш автор, благодаря своему недюжинному писательскому таланту и вкусу, умеет придать ему живость и яркость. Простым, но сильным и выразительным языком набрасывает он в главах XXXVIII—XL правдивую картину голода в 500 г. Язык его становится прямо-таки трогательным, когда он описывает муки обессилевшего от недоедания и болезней, разоренного и бездомного населения Озроены (гл. XLII), в большом количестве нахлынувшего в Эдессу (гл. XLIII). Эпический налет повествованию придает несколько раз повторяющаяся в хронике фраза, характеризующая арабские налеты и персидские нападения на Месопотамию, когда враги прохо-

дили в разных направлениях несчастную провинцию, «все грабя, опустошая, пленяя и сжигая на своем пути» (гл. XLIII).

Кроме отмеченных только что достоинств изложения, рассматриваемая нами хроника неизвестного сирийского историка обладает еще одним несомненным положительным качеством. К счастью, автор ее не ограничился узкой сферой военных действий, которые он описывает во всех подробностях;¹ в ней нашли отражение целые куски жизни, выхваченные наблюдательным писателем из окружавшей его реальной, повседневной действительности. Благодаря этому обстоятельству, мы можем, не сходя с ее страниц, побывать, наблюдая черты нравов и быта, и на шумных празднествах (гл. XXVII, XXX, XXXI), время от времени устраиваемых жителями утопавшей в садах Эдессы (гл. LIX), и на торгу, связанном с церковным праздником (гл. XXV). Мы узнаем отсюда же, какие стояли в Эдессе цены на такие предметы первой необходимости, как хлеб, вино и масло (гл. XXVI, XXXVIII, XLIII, XLIV, XLVI, LXXXVII) в течение ряда лет, какие хлебные злаки культивировались на родине хрониста в его время (гл. XXXIX). Хроника дает нам сведения о ряде важных законодательных актов правительства (гл. XXXI, XXXIV, XXXIX). Она знакомит нас с фактами, характерными для внутреннего уклада городов восточной провинции империи (гл. XXIX, XLII, LXXXVII), с организацией снабжения городского населения и армии хлебом (гл. XL, LIV, LXX). Из нее мы можем узнать даже о ремонте дверей одной из церквей Эдессы (гл. LXXXIX), о местных поверьях.²

К сказанному нужно добавить указание еще на два факта, наличие которых в хронике говорит о сознательности ее автора. Последний считает прежде всего необходимым отметить свои источники (гл. XXV): старые книги, сведения, полученные от лиц, отправлявших обязанности послов между Византией и Персией, рассказы участников и свидетелей событий, а с 494—495 гг. и собственные наблюдения. Правда, он делает это суммарно, и только в одном случае мы находим у него указание на определенный источник (гл. LXVIII). Затем хроника, можно сказать, щеголяет обилием

¹ Мертен отмечает два таких достоинства его, как «*ubertas et fides*», стр. 141.

² Распоряжение одного из губернаторов Эдессы побелить все портики в городе вызывает беспокойство среди «опытных» людей, увидевших в этом предзнаменование несчастья (гл. XXXII, стр. 23).

и точностью хронологических дат: отмечаются даже отдельные дни месяцев.¹

После краткой характеристики рассматриваемого труда нам хотелось бы несколько остановиться на самом авторе. Мы делаем это с тем большим, как нам кажется, основанием, что находим о нем очень мало сведений в русской научной литературе. К сожалению, он более, чем скуп в данных о самом себе. О нем приходится не читать, а вычитывать; и насколько на страницах хроники, связываемой обычно с именем Иисуса Столпника, проявляется духовная и нравственная физиономия ее неизвестного автора, она рисуется нам приблизительно в следующих чертах. Он прежде всего образованный (гл. LXXXVI),² книжный, точнее сказать, человек. Правда, в его историческом труде не встречается следов знакомства со светской литературой, но зато он начитан в священном писании.³ Цитаты из книг ветхого и нового завета встречаются у него 24 раза на всем протяжении хроники. Отсюда же он заимствует и свои сравнения (гл. X, XXI, XXXIV, LXII). Вместе с этим нашему автору присуще до известной степени то качество, которое мы назвали бы интеллигентностью. Для него, напр., духовное общение с другими людьми представляется своего рода потребностью, и он, находясь в путешествии, удовлетворяет ее путем переписки (гл. XLVII). В связи с отмеченным качеством находится и тот присущий только высоко культурным людям такт, та корректность и осторожность суждений, которые проявляет наш автор по отношению к отдельным лицам, выводимым в его повествовании.

Наш хронист — большой патриот. Он всей душой скорбит о несчастиях, выпавших на долю его родины. Острота их смягчается в его сознании глубоким убеждением в том, что кара в настоящей жизни облегчает возмездие в будущей (гл. IV). Убеждение это вытекает из преданности воле божией (гл. LXXXV), живой веры и глубокой религиозности, которые являются основными чертами внутреннего облика писателя. Вера его, можно сказать, имеет конкретный

¹ Нам могут указать, что в данном случае мы имеем дело лишь с летописной манерой писания. Но мы знаем, как в этом отношении несостоятельны многие византийские хронисты. Ср. также Merten, стр. 145.

² Догадка Дюваля, *La littérature syriaque* ², стр. 188—189, представляется нам мало обоснованной.

³ Из современных писателей автор хроники упоминает лишь о Якове Серугском (IV, стр. 49), труды которого опять-таки церковно-религиозного содержания, см. Райт, стр. 47—50.

характер. Во всем и везде он видит десницу Божию, то карающую, то милующую. Бог смиряет гордых (гл. XXI) и карает людей в целях их исправления (гл. XXVI). Землетрясения, саранча, голод, эпидемии, война, неурожай, все это — возмездие за грехи, механически обрушивающееся на людей вслед за последними (гл. XXX, XXXIII, XXXIV). Также механически следуют и награды за воздержание от грехов. Нашего автора не смущает при этом даже то обстоятельство, что такого рода воздержание может оказаться вынужденным. Возьмем следующий пример. Хронист мрачными красками изображает своих сопатриотов — эдесситов. Среди них царят роскошь, сплетни, зависть, предательство, разврат (гл. XXVIII). Среди них, повидимому, не изгладилась еще пережитка язычества, особенно ярко проявившиеся во время народных празднеств, во время которых видную роль играли устраиваемые под открытым небом танцы (гл. XXVII, XXX). Последние особенно возмущают хрониста. Бог, по его мнению, именно за них и карал страну голодом и эпидемией. Во время одного из таких празднеств произошла катастрофа: обрушились две колоннады и общественная баня. Явное указание на гнев Божий! Когда же в 502 г. празднество не состоялось в виду императорского указа, запрещавшего подобного рода развлечения, то Бог наградил не по своей воле ставших воздержанными эдесситов падением цен на пшеницу и ячмень.¹ Знамения (гл. XXXVII, XLVII, XLIX) и чудеса (гл. LX, LXII, LXVIII) наш автор видит везде и во всем. Он ими окружен, он их ждет, он может утомить читателя их перечислением. При этом под его пером в чудо может превратиться и такое естественное явление, как появление новых и исчезновение старых источников в результате землетрясения (гл. XXXIV).

Отмеченные выше черты духовного облика сирийского хрониста характерны не столько индивидуально, сколько присущи вообще средневековым писателям данного типа. Мы остановились на них исключительно в интересах полноты обрисовки. Но на ряду с этим у него есть нечто и свое, особенное, на чем следует несколько задер-

¹ Гл. XLVI, стр. 35, 36. В общем эта глава — маленький трактат о грехах. Автору, повидимому, изменяет то чувство меры, которое подсказывало ему отказ от элемента поучения на страницах своего труда в виду достаточной поучительности самих приводимых им фактов. На ряду с этим следует заметить, что сирийский писатель — не враг веселья вообще. См. описание праздника, устроенного теми же эдесситами по поводу отмены так наз. хрисаргира (XXXI, стр. 22). Нужно только, чтоб веселье носило пристойный характер.

жаться. Имеем в виду своеобразный характер его религиозности. Им в значительной степени объясняется не только то теплое внимание, с которым автор нашей хроники относится к интересам обездоленных слоев населения своей родины (гл. XLV). Из него же вытекает, как следствие из причины, и его объективное отношение к наследственным врагам империи, персам: они, как некогда ассирияне, — лишь орудие гнева божия (гл. V). Но что знаменательнее всего и особенно бросается в глаза в век ожесточенных религиозных споров и распрей, так это — отсутствие у неизвестного сирийца религиозного фанатизма и конфессиональной нетерпимости. Его религиозность — религиозность мягкого, гуманно настроенного и осторожно относящегося к чужим убеждениям человека. Зная это, мы поймем, почему он радуется тому, что при обвале зданий, в котором, как мы это уже знаем, он видел кару Божию, пострадало всего лишь два человека (гл. XXX). Но, с другой стороны, эта отличительная черта религиозного настроения автора нашей хроники, мешая резкому проявлению его «сredo», мешает в свою очередь исследователям согласно определить конфессиональную принадлежность ее глубоко и безупречно религиозного носителя.

Ряд ученых пытался так или иначе ответить на данный вопрос, и надо сказать правду, в подавляющем большинстве случаев ответы эти трудно признать убедительными в виду их проблематичности и необоснованности.¹ Это обстоятельство в значительной степени объясняется характером материала, с которым исследователю приходится иметь дело в данном случае. А именно — за отсутствием прямых указаний ему приходится прибегать к системе косвенных доказательств, т.-е.

¹ Это одинаково относится и к Ассемани, считавшему нашего автора православным, и к аббату Мартену, мнение которого разделяют Гутшмидт и Нельдеке, высказавшемуся за его монофиситство (В. Z., I, 34). Догадка Дюваля о православии неизвестного сирийца (стр. 189) также мало обоснована, как и категорическое утверждение Крымского об его монофиситстве (стр. 62). Трудно согласиться и с Райтом, считающим летописца монофиситом в виду его одобрительного отзыва о Иакове Серугском и Филоксене Маббогском. Прежде всего то место из хроники, на которое он в данном случае ссылается (гл. XXX, стр. 21), заключает в себе не одобрение, а упрек по адресу Филоксена, имевшего возможность образумить увлекавшихся греховным празднеством эдесситов и слишком мало для этого сделавшего. А кроме того, Райт совершенно упускает из виду действительно в высшей степени почтительное отношение автора хроники к патриарху антиохийскому Флавиану II (гл. LXXXIII, стр. 66), которого так настойчиво преследовал Филоксен, и который по своему настроению был ближе к православию, чем к монофиситству. В хронике только нет такого места, где, как говорит Дюваль (стр. 189), было бы выражено осуждение Анастасию I именно за изгнание упомянутого главы антиохийской церкви.

применять сравнительно менее гарантирующий правильность и неоспоримость выводов метод. Несмотря на это, в научной литературе имеется очень удачный опыт применения этого метода в целях разрешения интересующего нас вопроса. Имеем в виду блестящую статью покойного немецкого ученого Г. Гельцера «Iosua Stylites und die damaligen kirchlichen Parteien des Ostens».¹ Гельцер мастерски анализирует положение религиозного вопроса в антиохийском патриархате эпохи Анастасия I, устанавливает отношение хрониста к ряду современных ему церковных деятелей, разбирает шаг за шагом драму, пережитую антиохийским патриархом Флавианом II, и в конце концов приходит к выводу, что Иисус Столпник (так называет он нашего хрониста) может быть причислен к умеренной партии Флавиана, потерпевшей поражение на соборе в Тире.² Так разрешает этот вопрос Гельцер. Но, как нам кажется, можно сделать еще один шаг вперед и попытаться установить, к какому именно из двух направлений умеренного характера, сливавшихся на унионистской почве энотикона, православному или монофиситскому, принадлежал наш автор. Легче всего было бы установить это, зная, кто такой был в этом отношении Сергей, которому посвящает свой труд наш хронист. Но так как у нас, к сожалению, нет никаких данных для ответа на этот вопрос, то нам придется обратиться для выяснения интересующего нас обстоятельства в другую сторону. Имеем в виду отношение хрониста к патриарху антиохийскому Флавиану II и к императору Анастасию I в связи с их конфессиональной принадлежностью. Насколько мы можем судить о последней по имеющимся в нашем распоряжении фактам, и патриарх и император первоначально принадлежат к одной и той же вероисповедной группе православных сторонников энотикона. С течением времени под влиянием чисто внешних обстоятельств оба они переживают аналогичную на первый взгляд, а на самом деле мнимо-аналогичную эволюцию. В результате последней оба, по разным побуждениям, занимают такого рода позицию, наличие которой дает возможность тем, кому это было нужно, упрекать их в измене православию. Но это имело место уже несколько лет спустя после событий, описанных в нашей хронике. Во время же развития их Флавиан II и Анастасий I одинаково не сходили еще со старой почвы. Между тем отношение

¹ В. Z, I, 34—49.

² К этому выводу присоединяется и А. Дьяконов в своей отмеченной выше работе.

к ним летописца особенно ярко проявляется именно в связи с фактами упомянутого только что времени.

О характере отношения нашего автора к Флавиану II достаточно красноречиво говорят такого рода прилагаемые к имени антиохийского патриарха эпитеты, как: «святой, боголюбивый, всеми божественными красотоми изукрашенный, ревностный, славный».¹ Один всего раз встречаем мы на страницах интересующего нас памятника имя Флавиана II, но и этого вполне довольно в смысле показательности. С именем Анастасия I мы встречаемся здесь гораздо чаще. Положительное и почтительное отношение хрониста к его носителю видно из целого ряда приводимых им фактов, свидетельствующих о том, как пользовался на общее благо «верный» император своею властью (гл. XX). Видно это и из следующего. Описывая события, подготовившие войну с Персией при Анастасии I, хронист, по его собственным словам, делает это со вполне определенной целью. Он желает таким образом реабилитировать «вседержавного и верного» императора от нападков со стороны тех безумцев, которые выставляли его виновником конфликта (гл. VI).

Такой же попыткой реабилитации, притом двойной, кажется нам и заметка по адресу Анастасия I в начале последней главы рассматриваемого нами памятника.² Мы говорим о двойной реабилитации по следующим соображениям. Делая эту заметку, автор хроники имел в виду с одной стороны смягчить невыгодное для Анастасия I впечатление от тех репрессий, которые постигли в конце его царствования ряд православных иерархов и в значительной степени способствовали возникновению обвинений против императора в отступничестве от православия. С другой стороны, упомянутая заметка представляется нам необходимой и для того, чтобы сделать объяснимым все предшествующее отношение автора хроники к императору, несмотря на только-что отмеченный факт. Ее мог сделать только расположенный к Анастасию и, кроме того, православно настроенный человек, т. е. сам хронист. Один лишь он не мог не попытаться сделать это, сочувствуя в то же время и гонимым. Сомневаемся, чтобы монофисит,

¹ Гл. XXXIII, стр. 66. Обычно летописец титулет епископов (гл. LXXXIII, стр. 66; XCI, стр. 71) и даже священников (гл. LXXXIX, стр. 70) «превосходными».

² «Если этот император представляется в другом виде к концу своей жизни, то никому не следует вменить ему это в похвалу, однако же всякому следует помнить о тех вещах, которые позволил себе Соломон к концу своей жизни» гл. CI, стр. 76.

хотя бы и умеренного направления, взял на себя защиту названных лиц, как это предполагает Гельцер.¹ Еще менее убедительным кажется нам ни на чем не обоснованная догадка Райта,² принимаемая и Нёльдеке,³ в силу которой упомянутая заметка является вставкой, сделанной Дионисием Телл-Махрским. Последний совсем уже не был заинтересован в такого рода защите.

В виду изложенного и вопрос о времени появления в свет хроники может быть разрешен нами только в том смысле, как разрешали его в свое время Гутшмид, аббат Но и Дюваль. Другими словами хроника была закончена обработкой и опубликована непосредственно после смерти Анастасия I, т.-е. в 518 г. Но с другой стороны, имеющее в ней место живое воспроизведение фактов, обилие деталей и подробностей, мелочная точность датировки, — все это говорит за то, что события описывались не по воспоминаниям, а непосредственно вслед за своим возникновением.

Б. Черноусов.

¹ В. Z., I, 47.

² И. Столп. стр. 76, прим. 2.

³ В. Z., I, 46